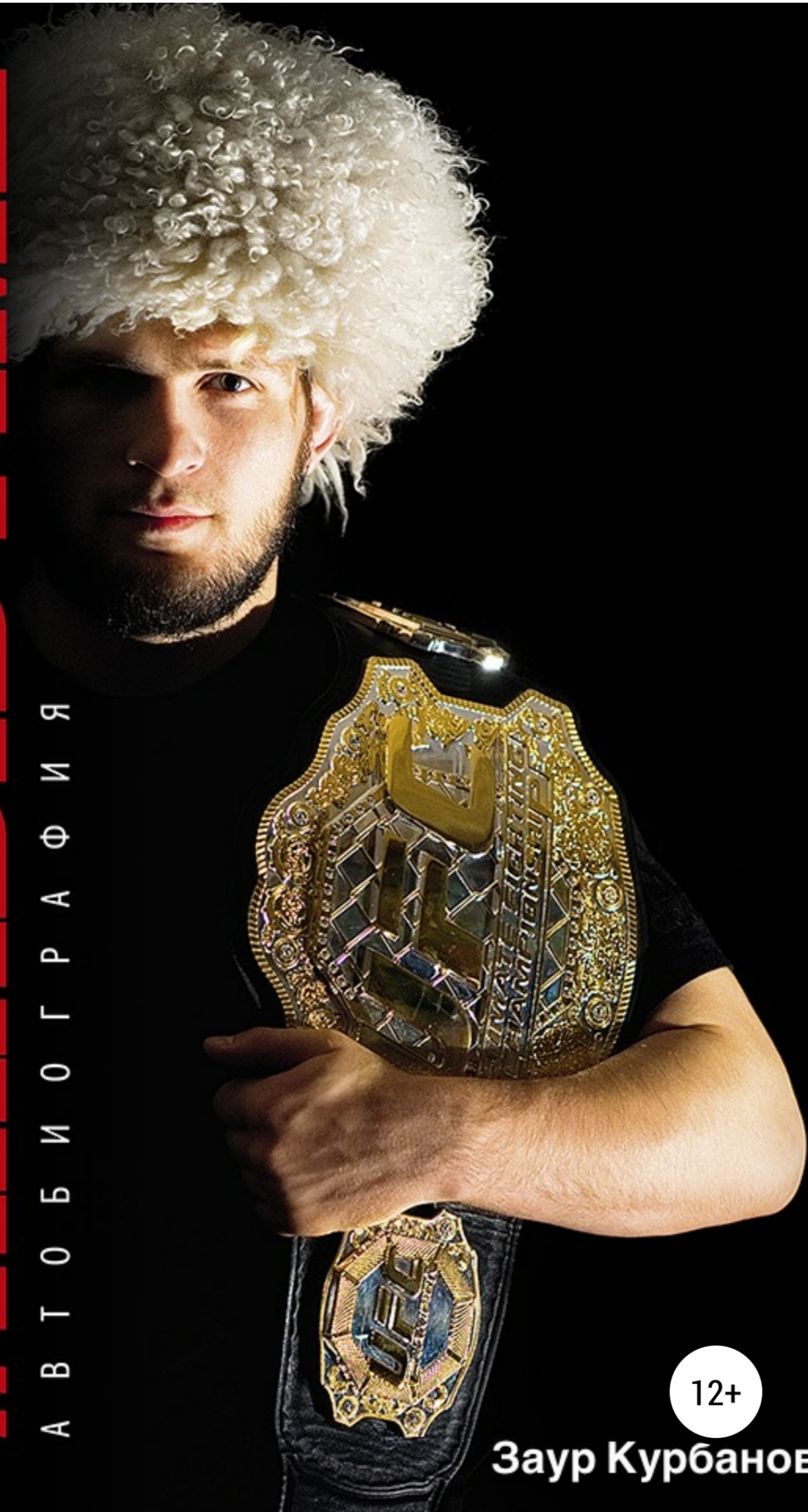

#КВВTIME

А В Т О Б И О Г Р А Ф И Я

12+

Заур Курбанов

Заур Курбанов

Khabibtime

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Курбанов З.

Khabibtime / З. Курбанов — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Khabibtime - это история жизни, рассказанная нам от первого лица одним из самых ярких и выдающихся спортсменов современности, чемпионом UFC Хабибом Нурмагомедовым. Кажется, что поведать обо всем этом мог кто угодно, но только не сметающий всех на своем пути суровый парень из октагона, однако это именно он.

Содержание

Сильди – орлиное гнездо	8
Кироваул. Новая жизнь большой семьи	12
Борцовский ковер – детская площадка	17
Отец покоряет Махачкалу. И не только её...	21
Дисциплина. Другого не дано	24
Моё всё	26
Жизнь во дворе колледжа	29
Мы любили пошалить	32
Конец ознакомительного фрагмента.	33

С благодарностью Всевышнему Господу за все дарованное мне в жизни я хотел бы посвятить эту книгу моим дорогим родителям и всем тем людям, которые, поддерживая нас, прошли долгий и тернистый путь от высокогорного Сильди до чемпионских высот.

**Я СКАЖУ ТЕБЕ, КОГДА ТЫ УСТАНЕШЬ,
А ТЕПЕРЬ ИДИ И РАБОТАЙ!**

ОТЕЦ

Обращаясь к каждому человеку, держащему в руках эту книгу, хочу поблагодарить его. Поблагодарить, прежде всего, за внимание к нам, к тому пути, который нам довелось пройти. Всю свою жизнь я старался быть полезным тем людям, с которыми живу. Именно поэтому и стал заниматься детьми и их спортивным воспитанием. Я занимался любимым делом, несмотря ни на какие сложности и препятствия. Успехи и достижения моих воспитанников становились для меня вдохновением для движения дальше. Мой сын Хабиб был одним из тысяч простых ребят, выбравших спорт в качестве основы своей жизни. Я, как мог, старался вести его по этому тернистому пути. В каждом действии своего сына я видел стремление и неугасимую жажду побед и достижений. Мне это нравилось, поэтому я прикладывал все большие усилий в работе с ним. Однако ничего бы не получилось, если бы не желание самого Хабиба. Он тренировался не только для себя, но и показывал остальным, как нужно тренироваться. Хабиб был упрямым, а я для него – диктатором, как в семье, так и в спорте. Он всегда мечтал о больших боях, удваивая и утраивая свои усилия после очередного выигранного поединка или турнира. Я же придерживал его, пытаясь потцовски предостеречь от спешки и ошибок. Вопрос о том, кто для меня Хабиб – сын или спортсмен-воспитанник, остается открытым... Поиск ответа на него оставляю Вам, наши читатели... Двигайтесь к своей мечте и

не вздумайте отступать! Положитесь на волю Господа и выкладывайтесь в том, что делаете.

Абдулманап Нурмагомедов

заслуженный тренер Российской Федерации

Я познакомился с Хабибом в 2012 году, когда он пришёл в мой спортзал готовиться к своему второму бою в UFC. Моё внимание сразу привлекли его невероятный напор и стиль борьбы. Причём неважно, кто был его соперником! В любом случае он находил способ уложить оппонента на лопатки – перевести в партер – и продолжить борьбу в той плоскости, где он Мастер своего дела. Я ещё тогда подумал: какая сила в этом парне!

Он тренировался без шлема и иногда без капы. И по сей день, Хабиб носит тот самый Вечный шлем, что я подарил ему. Он больше не тренируется без защиты, поскольку говорит, что тренироваться без защиты – это просто непрофессионально. Когда я раньше говорил ему: «Отдохни!», он почему-то начинал бороться ещё усерднее! И лишь год спустя, когда Хабиб лучше овладел английским, он объяснил мне, что команда «Отдохни!» воспринималась им как распоряжение усилить бой. Хабиб был очень скромн, когда приехал в 2012-м, и остался по-прежнему скромн сегодня, когда всё изменилось и он стал суперзвездой. Его любовь к Семье и его Вера – вот то, что нерушимо для него. Его Книга повествует о жизни человека, чьи воля и упорство показывают нам, как все мы – Божьи дети – можем прожить счастливую жизнь, независимо от того, кем являемся.

На мой взгляд, он лучший, и не из-за того, что он делает на ринге. Всё дело в том, как Хабиб ведёт себя за пределами ринга и как обращается с другими людьми.

Хавьер Мендес

основатель и главный тренер American Kickboxing Academy

Меня зовут Али Абдель-Азиз. Я бывший боец, обладатель чёрного пояса Рензо Грейси и менеджер нескольких звёзд UFC сегодня. Мне довелось познакомиться с Хабибом в 2014 году, когда он порвал переднюю крестообразную связку. В то время я не был его менеджером. Он прилетел в Лас-Вегас, и мы прожили бок о бок почти целый год, а потом он опять повредил колено и сломал рёбра. Из-за травм Хабиб уже был близок к тому, чтобы уйти из спорта. И в этот сложный период, и после него мы держались вместе. Он проводил время с моей семьёй, подружился с моими детьми.

Хабиб не просто один из моих бойцов. Он мне как родной брат. И он один из самых невероятных людей, которых я встречал в своей жизни. Рядом с ним я сам становлюсь лучше. Его доброта, его преданность, его вера и то, как он обращается с другими людьми, – всё это поражает. Мы через многое прошли вместе. Перед поединком с Фергюсоном он заболел, и нам пришлось вернуться и снова проделать весь путь к титулу. Мы боролись с Барбозой и Элом Яквинтой, и Хабиб стал чемпионом UFC в лёгком весе. Сейчас он готовится к бою с Конором Макгрегором. И это будет величайший бой в истории UFC.

Хабиб – человек, который всегда поддержит меня, а я всегда поддержу его, и до самой смерти мы с ним будем друзьями и братьями. Он очень важный человек в моей жизни, я восхищаюсь им не только как бойцом, но и в первую

очередь как человеком. Он самый крутой чувак на планете, непобеждённый, бесспорный чемпион мира в лёгком весе.

Али Абдель-Азиз

основатель и президент промоутерской компании Dominant

Меня зовут Даниэль Кормье. Я чемпион UFC в полутяжёлом и тяжёлом весе. Спортом я занимаюсь почти всю жизнь. Я всё видел и через всё прошёл. И вот что хочу сказать: я не уверен, что когда-нибудь вышел бы бороться с таким, как Хабиб Нурмагомедов. Я познакомился с Хабибом в Американской академии кикбоксинга (АКА) в Сан-Хосе, Калифорния. Сказать, что он особенный, – не сказать ничего. Он невероятно сильный. Проще говоря, он боец без жалости к себе и к сопернику. И вы поймёте это, когда прочтёте книгу. В то же время Хабиб – человек огромной веры и чести, воспитанный скромным и благочестивым. Всё в нём поражает меня. Горжусь, что могу назвать его товарищем по команде и другом. Это история простого парня, проделавшего путь из высокогорного Дагестана до вершин ММА. У него были взлёты и падения, но он никогда не сдавался и не забывал свои корни.

Приятного чтения! Надеюсь, книга вдохновит вас так же, как и меня.

Даниэль Кормье

чемпион UFC в полутяжёлом и тяжёлом весе

Сильди – орлиное гнездо

Я горец. Такой же, как мой дед и отец.

Горы – наш дом. Горы сделали нас такими, какие мы есть.

Жить в горах – это всё равно что вертеть в руке монету.

Её лицевая сторона – окружающая красота: возможность ежедневно созерцать впечатляющие величественные пейзажи, слушать пение птиц, питаться натуральной пищей, дарованной удивительной природой. А обратная сторона – это работа, точнее постоянный, ежедневный, изнуряющий физический труд.

Неустанно работать и жить свободной полноценной жизнью – вот все привилегии горца и горянки.

В Дагестане традиционная семья имеет много детей. Но с течением времени даже у нас – людей, привычных к жизни в больших семьях, – представление о таковых изменилось, и мы уже стали считать большой даже ту семью, в которой всего трое ребятишек. Однако ещё каких-то тридцать-сорок лет назад такая семья, скорее всего, считалась бы самой маленькой в селе, где у большинства супружеских пар было семь, восемь, а то и десять сыновей и дочерей.

У меня большая семья. Со стороны папы у меня четыре дяди и две тёти. Со стороны мамы – два дяди и четыре тёти. Жизнь в горах нелегка и предполагает коллективный труд. Иначе никак. Вести хозяйство в одиночку бесполезно, не выдержит даже самый сильный. Ведь нужно и скот держать, и землю обрабатывать. Так что лучше работать сообща и вместе с семьёй, плечом к плечу.

Моя малая родина – Дагестан, в переводе – Страна гор, – расположена на самом юге самой большой страны мира – России. Этот красивейший край раскинулся между высокими заснеженными вершинами Большого Кавказского хребта и песчаным берегом тёплого Каспийского моря. Именно здесь, в высокогорном Цумадинском районе, расположено моё родовое село Сильди.

В переводе с аварского языка название моего родного района означает «орлиный», и этот эпитет не грешит перед истиной – орлов в наших краях действительно много. Речь не только о птицах, ведь в горах заслужить похвалу нелегко, а лучшей похвалой для мужчины здесь всегда было уподобление его орлу – смелой и зоркой птице.

Здесь, в горном гнезде Сильди, родились и выросли мои предки, дедушки и бабушки по отцовской и материнской линиям.

История наших гор наполнена примерами небывалой храбрости и удивительных подвигов. Каждое новое поколение горцев-дагестанцев растёт в особой атмосфере, где героизм и самопожертвование не пустой звук, а реальная повседневность, где мужчина каждый день должен доказывать, что он достоин называться мужчиной. Каждый уголок нашего дивного края примечателен географически или благодаря небывалому разнообразию флоры и фауны, а прежде всего интересен в контексте военной истории.

Со времён грозных завоевателей прошлого, от хромого Тимура до Гитлера, наши горы привлекали взоры захватчиков всех мастей. Такой интерес был продиктован чрезвычайно выгодным геостратегическим положением наших земель.

Тот, кто владел Северо-Восточным Кавказом, мог полноправно хозяйничать на узком перешейке, зажатом между Кавказскими горами и Каспием и называвшемся с древности Каспийским проходом. Дагестан, соединявший именно здесь Европу и Азию, извечно представлял собой лакомый кусок для тех, кто мечтал покорить мир и расширить горизонты своих возможностей. Сложность ведения домашнего хозяйства в горной местности вкупе с постоянными угрозами извне, вынуждавшими горцев всё время быть наготове и в случае необходимости взяться за оружие и принять бой, защищая себя и семью, предопределили развитие миро-

воззрения дагестанцев и заложили основы их ментальности. Они трудились не покладая рук, пытаясь вырастить на отвесных скалах и каменистых склонах то, что могло бы прокормить семью. Однако в любой момент они были готовы сменить орудия мирного труда на боевое оружие, саблю или ружьё, и пойти воевать.

Данные обстоятельства определяли миропонимание человека, помогали ему всегда здраво оценивать свои возможности. Именно благодаря такому укладу жизни и характеру быта новые поколения учились житейской мудрости и мужеству, братству и семейственности. Хотя мы и не застали времена расцвета традиций нашего горского общества, я всегда стремлюсь постичь философию этого образа жизни, устои предков, их жизненные установки.

К сожалению, с течением времени основная часть всего того, о чём я рассказал выше, начала теряться, растворяясь в новой повседневности, сначала сформированной советским прошлым, а позже – мировой глобализацией.

В этом нет, на мой взгляд, ничего удивительного. Ведь скорость жизни увеличивается, отношения между людьми приобретают совершенно иной характер, человек приспосабливается к меняющемуся миру вокруг себя, среда обитания подсказывает ему, как жить и поступать.

Но я горю, поэтому дорожу всей логикой бытия, которая позволяла моим предкам достойно жить, растить детей, строить дома, вести хозяйство, и если надо – воевать и умирать за Отечество. Это самые важные, стержневые понятия нашей жизни, растерять которые мы не имеем права.

Мой дедушка по материнской линии был одним из тех, кто не вернулся с войны, но позволил нам – своим внукам – жить и трудиться сегодня.

Я горжусь и тем, что являюсь потомком мужественных людей, сражавшихся бок о бок с признанным во всём мире великим военачальником, полководцем, государственным деятелем и духовным лидером Дагестана – имамом Шамилём.

Имам Шамиль для меня, как и для миллионов моих земляков и соотечественников, является образцом мужества и благородства, чести и мужского достоинства, служения своему Создателю и народу.

В период Кавказской войны 1817–1864 годов Шамиль возглавлял движение горцев Дагестана и Чечни, выступавшее за сохранение жизненных устоев горцев перед надвигавшейся колонизацией.

Шамиль создал своё государство, общественные порядки в котором даже сегодня многими экспертами в области права и государственного строительства признаются одними из самых демократичных за всю новейшую историю человечества.

Два моих предка по материнской линии входили в число близких соратников великого имама: наиб Сайгидмагомед Сильдинский и знаменосец Денгамагомед.

Та война изобиловала жесточайшими сражениями, самое известное из которых – битва при ауле Ахульго, развернувшаяся в июне-августе 1839 года.

Это были одни из самых страшных и кровавых дней в истории моей малой родины. Сегодня на месте битвы сооружён мемориал, который я проезжаю каждый раз, когда еду в родное Сильди.

Каждый раз я останавливаюсь здесь, чтобы, преклонив колено, прочитать молитву за всех погибших в этих местах и вновь с гордостью посмотреть на запись, выгравированную на каменной плите, где в списке наибов – доверенных лиц имама Шамиля и государственных деятелей созданного им государства – Имамата – есть имя моего предка Сайгидмагомеда из Сильди.

Я горд тем, что мои предки участвовали в Великой Отечественной войне и достойно прошли через поля её сражений.

Мой дедушка по отцовской линии, Магомед, – труженик, земледелец, свою жизнь посвятил созиданию. Порой, бывает, смотришь на все созданные им и другими моими родственниками террасы, на которых горцы в условиях малоземелья умудрялись получать неплохие урожаи, и думаешь: «Вот это да, вот это сила воли и стремление жить!»

Жизнь в горах только на первый взгляд романтична, а на самом деле, только взявшись за кирку, лопату или тяпку, понимаешь её реальную цену.

Подъём засветло, работа со скотом и на террасе, с постоянным риском, в том числе для жизни, выпас овец, сбор дров для отопления жилища – вот они, суровые прикрасы жизни в горах.

В этих условиях жили и трудились мои предки, о чём я вкратце рассказал выше.

Мой отец – Абдулманап Нурмагомедов – тоже родился здесь, в Сильди, 10 декабря 1962 года.

Он стал вторым ребёнком в семье моего дедушки Магомеда после рождения первого сына, моего дяди Али.

Впоследствии у моего отца появятся ещё два брата и две сестры.

Это ещё одно напоминание о больших дагестанских семьях.

В начале 60-х годов XX века правительство стало предлагать горцам Дагестана переселяться на равнину, где было больше возможностей для полноценного ведения хозяйства. Отсутствие должной инфраструктуры создавало дополнительные трудности, фактически отрезая многие населённые пункты от «большой земли». Продолжать жить и развиваться в суровых условиях высокогорья, которые я описывал раньше, не представлялось возможным, поэтому горцы постепенно переселялись вниз – в предгорья и на равнину, ближе к побережью Каспийского моря.

Начались фундаментальные сдвиги в жизненном укладе сотен тысяч людей. Это переселение заняло добрых два десятка лет.

Не стала исключением и наша семья. В возрасте двух лет, в 1964 году, мой отец переехал с семьёй на равнину, в селение Кироваул Кизилюртовского района.

Абдулманапа определили на житьё к его дяде, моему двоюродному дедушке Али Гаирбекову.

Дело в том, что у дяди не было своих детей.

В дагестанских семьях тогда существовала – да и сейчас иногда встречается – практика передачи детей бездетным родственникам в пределах одного тухума (на всякий случай поясню, дорогой читатель: тухумом называется родственная группа (род) у народов Дагестана).

Мой папа со своим старшим братом Али переехали жить в совершенно новые для себя условия.

Это было время расцвета советского государственного устройства и строительства социализма в нашей стране.

Государство брало на себя решение многих вопросов, возникших в жизни переселенцев. Не всё, конечно, было тогда гладко, но в общем и целом семьи моих родителей остались довольны итогами переезда.

Родители моего отца и матери ещё какое-то время оставались в Сильди, а в 1967–1968 годах уже и они переехали в Кироваул.

Вот так в течение 6–8 лет жизнь моей семьи очень резко и основательно изменилась: мой дедушка наблюдал по утрам уже не горные вершины, которые виднелись теперь лишь на горизонте, а течение Сулака – одной из самых крупных и полноводных рек в Дагестане.

В Кировауле семье предстояло начинать всё с чистого листа.

Необходимо было изучить все плюсы и минусы нового месторасположения, пригодность почвы и рельефа местности к ведению домашнего хозяйства и как можно скорее влиться в производственные процессы, характерные для жизни в этих краях.

Нужно было найти работу, устроить детей в школу, завести знакомство с соседями, поставить на новые рельсы с нуля своё привычное хозяйство и так далее.

Теперь здесь, в Кизилюртовском районе, начиналась совершенно новая жизнь для моей большой семьи.

Хотя меня тогда ещё и в помине не было, но я хорошо представляю, как нелегко было моему дедушке в тот период.

Однако он, как и вся семья, справился со всеми трудностями.

Дедушка спокойно и уверенно, со свойственным горцам трудолюбием, упорством и оптимизмом вёл свою только-только сформировавшуюся семью к будущему процветанию.

Кироваул. Новая жизнь большой семьи

В 1968 году, когда дедушка Магомед с большей частью своей семьи переехал в Кироваул, мой отец Абдулманап, уже освоившись на равнине, пошёл учиться в первый класс местной школы.

Именно там, в Кизилюртовском районе, началась жизнь и деятельность моего папы, который с течением времени станет заслуженным тренером России, тренером 24 чемпионов мира по боевому самбо и наставником, вырастившим четырёх бойцов UFC, в том числе чемпиона этой организации. Однако тогда об этом никто и подумать не мог.

Отец, как и дядя по отцовской линии, очень любил и, что самое главное, мог учиться. Особенно удавались ему история, география, русский язык. Никто не отменял и физический труд как метод воспитания: большое хозяйство, которое организовал и вёл дедушка, требовало приложения сил всей большой семьи.

Дедушка работал механизатором в совхозе-миллионере. В этом деле к концу шестидесятых годов он был достаточно опытен. В 1953 году он попал служить в моторизированную часть, расквартированную в Румынии. Там он и научился водить технику. Он стал одним из первых, кто мог водить в нашем селе.

В совхозе занимались откормом крупного рогатого скота. Дедушка Магомед работал в совхозе, в зависимости от сезона, то комбайнёром в уборочную страду, то водителем грузовика зимой. Водить автотранспорт или сельскохозяйственные машины тогда считалось привилегией. Такой техники было немного, а люди, работавшие на комбайнах, вообще были на вес золота, поэтому дедушка сразу же нашёл своё место в совхозе.

Свои восемь классов отец окончил с одной четвёркой в аттестате, а десять классов – с двумя четвёрками. Однако хорошая учёба по школьной программе не была единственной задачей отца в тот период.

С седьмого класса он стал, что называется, «забивать» за собой ещё и спортивные позиции как на школьном, так и на районном и республиканском уровнях.

До завершения учёбы в школе Абдулманап так никому и не уступил пальму первенства в шахматах. Вот и сейчас, кстати, при желании можешь, уважаемый читатель, наприситься на партию с ним: уверен, при наличии стимулирующего его сознание приза папа не откажется.

Футбол, волейбол, настольный теннис, лёгкая атлетика – всё это спортивные предпочтения отца того периода.

Несмотря на столь глубокое погружение в спорт и физическую культуру, отец ни на мгновение не упускал из виду учёбу. Это он привил всем нам любовь к истории, географии и математике. Видимо, уже тогда папа решил, что учёба и серьёзные занятия спортом могут сосуществовать. Тем более что тогда перед глазами отца жил и творил, боролся и оперировал великий Али Алиев.

По завершении восьми классов отец выиграл один из кроссовых забегов на длинную дистанцию. Причём, как он сам порой вспоминает, сделал это не за счёт исключительно физических кондиций, а за счёт правильной расстановки собственных сил относительно темпа соперников.

С этого момента вдобавок к первенству в шахматах за отцом закрепилось реноме хорошего стайера. Это уже позже папа стал обращать внимание на свою способность успешнее бегать длинные, нежели спринтерские дистанции.

Тот, кто занимается бегом, да и в принципе любым видом спорта, понимает, что для стайера необходимы не только хорошая физическая форма, но и определённые качества характера. Ты не можешь бегать 3, 5 или 10 км, ещё и обгоняя соперников, не обладая психологической устойчивостью, упорством и, что самое главное, умением терпеть.

У отца всё это было, и он умело пользовался этим.

В ряду спортивных предпочтений папы особняком стояла вольная борьба. Даже сегодня, изрядно постаравшись, вы с трудом сможете найти в Дагестане семью, один или несколько членов которой, не занимались бы этим видом спорта. Пусть для кого-то это уровень общей физической подготовки, для кого-то – любительская забава, а для кого-то – профессиональное занятие, борьба в Дагестане имеет давние и славные традиции. Мой отец, как и сотни тысяч мальчишек того времени, рос в атмосфере всё нараставшей популярности вольной борьбы.

Папе было пять лет, когда знаменитый Али Алиев выиграл последний для себя, пятый чемпионат мира по вольной борьбе, проходивший в Дели (Индия).

Папе было семь лет, когда великий Али Алиев последний для себя раз взойшёл на высшую ступень пьедестала почёта чемпионата СССР по вольной борьбе. Это случилось в девятый раз.

Папе было десять лет, когда великий Загалав Абдулбеков стал победителем турнира по вольной борьбе Олимпийских игр в Мюнхене в 1972 году.

Ну как, скажи, дорогой читатель, в этой атмосфере ажиотажного роста популярности вольной борьбы мальчишка из селения Кироваул мог избежать участи стать борцом-вольником?!

Никак. Папа начал бороться в седьмом классе.

В восьмом классе 52-килограммовый Абдулманап Нурмагомедов уже был чемпионом республики по вольной борьбе.

Те времена отец вспоминает как период нескончаемых кроссов. Порции по 4 км дистанции утром и вечером ежедневно. Как тебе такой рацион юного спортсмена?

Это был период становления характера молодого человека, и я горжусь тем, что отец прошёл его однозначно по-чемпионски.

Отец окончил десять классов средней школы и попытался поступить в институт. Он выбрал институт Центросоюза СССР в г. Полтаве. Это был другой конец огромной страны, неведомые дали, покорить которые планировал семнадцатилетний Абдулманап Нурмагомедов. Тогда это было одно из немногих учебных заведений в Советском Союзе, которые набирали абитуриентов по таким важным для народного хозяйства специальностям, как товаровед, заготовитель, бухгалтер-экономист. Трое из четверых братьев Нурмагомедовых впоследствии окончили именно этот институт, так что мы называем его «семейным».

Вслед за старшим братом Али сразу после школы туда дважды пытался поступить отец, но не прошёл по конкурсу. Поступить в институт или университет в Советском Союзе было весьма престижно, однако трудно.

Сейчас можно встретить многих людей, которые пробовали поступить и получить образование пять-восемь раз. Образование тогда было труднодоступным, и не все проходили суровые вступительные испытания. Скажу больше, в горах наличие или отсутствие в семье человека с высшим образованием являлось характеристикой семейства. Так и говорили: «Это солидная семья, они дали сыну образование». Так вот, мой дедушка смог дать образование не одному, а всем своим сыновьям и дочерям. Это одно из серьёзных достижений нашей семьи – большая любовь к образованию и образованности.

Приоритетами для поступления у отца сразу после школы стали факультеты советской торговли и кооперации. Отец рассматривал учёбу в Киеве, Самарканде, Махачкале, Мытищах (Московская область) и Полтаве.

Конечно, он попробовал поступить сначала в Махачкале, в ведущее высшее учебное заведение Республики Дагестан на тот момент – Дагестанский государственный университет. Там функционировал факультет советской торговли.

До сих пор ходят легенды о том, что поступить на учёбу на юридический, исторический и факультет советской торговли могли только дети партийных функционеров, но никак не ребята «с земли» – такие, как мой отец. Отец поступал в Дагестанский государственный университет

в 1979 году, сдал три экзамена из четырёх, и с мечтой поступить на один из самых престижных и востребованных факультетов пришлось распрощаться.

Отец поступал дважды, и оба раза безуспешно.

Ввиду неудач с поступлением в вуз он решил отдать стране воинский долг и пошёл служить в армию.

Служил отец в 1981–1983 годах. Говорил, что служба в армии ему нравилась. Особенно импонировал режим, которым сопровождалась служба. Питание, сон, тренировки – всё это райские условия для того, кто хочет подтянуть свою физическую форму. Отец как раз этого и хотел.

К моменту начала службы отец уже неплохо боролся по правилам вольной борьбы.

В течение двух лет службы в армии отец планировал поступление в высшее учебное заведение. Как он сам рассказывает, непременно хотел получить образование, так или иначе связанное с торговлей либо с сельским хозяйством.

Отказаться от поступления в вуз после армии отец даже не думал. Во-первых, две неудачных попытки требовали реванша, а отец не из тех, кто уступает; во-вторых, он непременно хотел обрадовать дедушку дипломом.

Отец уволился из рядов Вооружённых сил СССР в звании старшины, стал отличником политической и боевой подготовки и получил рекомендацию для поступления в институт.

Нужно было только верно расставить приоритеты. И отец начал это делать. Старший брат отца, Али, к тому времени уже учился в кооперативном техникуме в Полтаве на Украине, и отцу показалось правильным отправиться на учёбу поближе к старшему брату.

Попытка поступить в кооперативный институт в Киеве окончилась неудачей: отец сдал все экзамены, но не прошёл конкурс. Это стало ещё одним подтверждением того, что высшее образование в советской стране было труднодоступным с точки зрения конкуренции при поступлении, однако пробовали многие, так как фундаментальность и качество этого образования говорили сами за себя.

Однако отцу всё же удалось получить высшее образование на Украине: он поступил в Полтавский кооперативный институт в 1983 году и через пять лет, в 1987 году, получил диплом по специальности «бухгалтер-экономист». Учёба давалась отцу легко, он любил учиться. Постепенно, по мере того как он осваивался в новой для себя жизни вдалеке от родного Сильди, папа стал добавлять к основной учёбе и тренировочному процессу новые «фишки». Одной из таких «фишек» стали курсы медицины и инструкторов по спорту.

Отец сейчас иногда вспоминает: несмотря на то, что на курсы по медицине тогда ходили в основном девушки, и среди парней эти занятия не пользовались популярностью, он старался не пропускать ни одного. Впоследствии это любопытство очень поможет Абдулману Нурмагомедову в развитии его тренерской карьеры.

Его познания в области анатомии и физиологии человека, информация о системах жизнеобеспечения и основных процессах, протекающих в организме, сведения о функционировании опорно-двигательного аппарата станут изюминкой Абдулманапа-тренера. Но это было позже. А пока, в 1984 году, это было лишь любопытство пытливого ума моего отца.

Вторым курсом, который посещал мой отец в студенческие годы, стал курс инструктора по спорту. К тому времени папа уже был членом сборной команды Украинской ССР, мастером спорта по вольной борьбе и дзюдо.

Таким образом, Полтавский кооперативный институт отец окончил и со специальностью бухгалтера-экономиста, и с дополнительными специализациями по медицине и инструктора по спорту.

В советской системе образования существовал один достаточно примечательный механизм: направление на работу по распределению после окончания учебного заведения.

Суть его сводилась к тому, что перед окончанием учёбы студент уже знал, куда пойдёт работать. Его направляли в тот или иной регион страны на предприятие, в организацию, совхоз или колхоз, и он работал там три года, а после уже сам определялся со своим будущим.

Эта система позволяла молодым специалистам фактически сразу находить свою нишу в профессии и не думать о турбулентностях жизни – безработицы тогда практически не существовало.

Приехавший специалист, при условии, что он хорошо себя проявлял, получал служебное жильё, что безусловно, помогало освоиться в жизни.

Такая же процедура распределения коснулась и моего отца, но он изменил бы себе, если бы воспринял это как данность.

Из шестидесяти пяти ребят-дагестанцев открепление от этого распределения получил только Абдулманап Нурмагомедов. Вновь спорт и преданное отношение к любимому делу стали причиной удачного стечения обстоятельств. Отец боролся за сборную команду своей области на чемпионате Украины по дзюдо. Ректор института пообещал Нурмагомедову, что в случае выхода последнего в финал чемпионата направит его в порядке закрепления на работу в родной Дагестан. Ясно, что отец после такого разговора был неустойчив и выиграл тот старт.

Его направили на работу в РайПО (районное потребительское общество) селения Гуниб. Причём направление было выписано на должность главного бухгалтера.

Отец, столько лет, прошедший на службе, а затем на учёбе на равнине, в крупных областных городах, вновь вернулся в свою стихию – в горы.

Он иногда вспоминает, как, приехав в Гуниб – один из самых крупных исторических, культурных и политических центров высокогорного Дагестана – вместе со своими дядями, долго озираясь в поисках площадки для игры в футбол, однако таковую не нашёл и начал задумываться о целесообразности своего нахождения там...

Должность главного бухгалтера РайПО по тем временам считалась весьма солидной, тем более, если речь шла о молодом человеке, только что окончившем институт.

Однако отец вновь, как часто делал уже тогда и как неоднократно повторит в будущем, принял удивившее всех родственников и друзей решение.

Он попросил перевода в Сельпо Кизилюртского РайПО. Если для сравнения использовать бойцовскую терминологию, отцу предлагали контракт с UFC, а он попросился на контракт промоушена из Гренландии или Антарктиды. Вот так. Папа вернулся в родной уже для себя Кироваул. Его назначили заведующим сельским магазином. Так он встал во главе коллектива, состоявшего из двух человек.

В общем, по тем временам папа неплохо устроился. Отец тогда уже три года как был семейным человеком, женившись в 1984 году на девушке по имени Патимат – моей маме.

Отец, наверное, перестал бы быть самим собой, если бы согласился долго сидеть на одном месте, даже если это было неплохое место заведующего сельским магазином.

Эта характерная черта отца запомнилась мне с детства: он постоянно что-то делал, видоизменял, создавал и развивал.

Вот и сейчас наступала пора очередных изменений.

Папа решил работать с детьми, со школьниками. Он понимал, что работа с подрастающим поколением дело сложное, но весьма благородное. Видеть успехи своих учеников – вот чего требовала душа моего отца в тот период.

Папа счёл, что в размеренную жизнь сельского завмага следует добавить очередную «фишку». Этой «фишкой» стал сельский спортивный зал.

В 1987 году в отцовские планы входили ремонт старого сельского спортивного зала и открытие секции по вольной борьбе.

К этому времени молодое семейство уже обзавелось своим хозяйством, как и положено в селе. Отец продал четырёх быков, составлявших к тому моменту основу семейного благополучия, а на вырученные деньги начал ремонт в сельском спортивном зале.

Это сейчас, по истечении тридцати лет, затея отца смотрится романтично, а тогда продать всё, что было нажито непосильным трудом, и вложить это в авантюрную идею со спортивным залом смотрелось делом, по меньшей мере, нелогичным.

Однако в этом и есть весь мой отец. В конце концов, всё, что он продал для реализации, как сейчас модно говорить, своего «проекта», он заработал сам. И решение он принимал сам, полностью отдавая себе отчёт в том, что делает.

С ремонтом в зале отцу помогал бывший директор совхоза Камиль Саидович Юсупов. Папе сильно подфартило тогда: после очередного международного турнира по вольной борьбе на призы Али Алиева два новеньких ковра завезли в зал Республиканской детско-юношеской спортивной школы «Спартак», а те, что были там, отдали отцу в только что отремонтированный сельский спортивный клуб в Кировауле.

11 сентября 1987 года – эта дата навсегда вошла в историю семьи Нурмагомедовых. Отец запустил работу сельского спортивного зала, набрав две группы мальчиков в секцию вольной борьбы.

Началась славная тренерская карьера Абдулманапа Нурмагомедова.

В это же время отец двигался и по карьерной лестнице. Он перешёл на работу в совхоз «Темираульский» на должность бухгалтера-экономиста. Это было время перестройки – сложный и неоднозначный период существования моей страны. Особенно трудно приходилось обычным людям: перестраивалось, а порой и рушилось всё то, что они считали вечным и незыблемым. Рушилась страна.

Отец после этого быстро стал первым человеком в селе, то есть директором совхоза «Темираульский». Ему было 33 года, и он взял на себя такую ответственность. Папа начал руководить совхозом в период, когда плановая экономика разрушилась, а что будет после, не знал никто.

Однако эти сложности ничуть не останавливали его. Он работал в совхозе, тренировал ребят в зале и взялся за местную футбольную команду. Эта команда дважды, в 1995 и в 1997 годах, выиграла чемпионат Дагестана. Таким вот, на первый взгляд незатейливым образом мой отец, бухгалтер-экономист по образованию, прошёл путь от студента-стажёра до директора совхоза с элементами тренера по вольной борьбе и местного футбольного функционера.

Как ты, дорогой мой читатель, наверняка уже понял, сейчас я рассказываю о том времени жизни моей семьи, когда в ней появился ещё один, второй ребёнок. Это произошло 20 сентября 1988 года.

Этим ребёнком был я.

Борцовский ковер – детская площадка

Я появился на свет через два года после рождения моего старшего брата Магомеда. Это были сложные и неоднозначные времена для моей страны. Советский Союз в своём существовании претерпевал могучие сдвиги сродни тектоническим. Сотни тысяч семей ежедневно ощущали на себе эксперименты партийной верхушки. Все были свидетелями попыток коммунистов, так или иначе, приспособить жизнь этого огромного и неповоротливого колосса к реалиям, имевшим место в ту эпоху.

Как любит говорить отец, мы – дети Советского Союза. Соответственно основная мысль композиции группы The Beatles – «Made in USSR» – мне подходит идеально.

Итак, 20 сентября 1988 года в семье Абдулманапа и Патимат Нурмагомедовых родился сын, уже второй. Это был я – Хабиб.

В этот период папа с мамой жили в доме бабушки, как принято во многих дагестанских семьях.

Первые мои детские воспоминания связаны со всем тем, что меня в те годы окружало. Это огород, скот. Меня постоянно приобщали к ведению домашнего хозяйства. Не работать было нельзя, даже невозможно: жизнь в селе заставляла каждого человека выкладываться на все 100 %, а иначе семья рисковала остаться без средств к существованию.

С раннего детства моя жизнь была наполнена радостью общения: сельская детвора, поднимая клубы пыли, бегала сломя голову с одного конца Кироваула в другой. Я был частью этой большой ватаги кричащих и смеющихся ребятшек. Нашими любимыми местами в селе были стадион и шлюз на реке Сулак. Стадион всегда был полон теми, кто играл в футбол, либо простыми зеваками, пришедшими, как у нас говорят, «убить время».

Сельская жизнь не предполагает большого количества развлечений, поэтому стадион и сельский клуб были такими центрами притяжения.

Я отчётливо помню, что наша семья держала крупный рогатый скот – быков. Именно они и были основным объектом нашего внимания и заботы. Утром их нужно было вывести на выпас, выкинуть из их стойла навоз, а вечером обязательно завести обратно.

Ещё одной моей хозяйственной обязанностью были походы за водой. Мы только-только построили свой дом, а коммуникации ещё не подвели, поэтому я брал вёдра и спускался к родному Сулаку. Его кристально чистая холодная вода выручала и до сих пор выручает моих односельчан.

Старший брат Магомед со второго класса школы уехал учиться в город Кизилюрт, разместившись там у дяди Али. После шестого класса он переехал на учёбу в Махачкалу.

Младшая сестра Аминат ещё не была способна помогать в ведении домашнего хозяйства. Она была слишком мала.

Таким образом, в силу постоянного отсутствия работавшего отца, отъезда брата и юности сестры старшим по хозяйству помощником мамы был я.

На первом этаже нашего дома, в котором мы жили, отец оборудовал... как ты думаешь, что? Правильно, спортивный зал.

Таким образом, лет с трёх борцовский ковёр, лежавший в этом зале, был для меня одновременно и игровой площадкой.

Уверен, дорогой читатель, что, глядя на всё то, о чём я сейчас здесь повествую, ты получишь бы визуальное подтверждение расхожих слов о том, что дагестанцы – борцы с пелёнок.

Таким образом, я нёс ответственность за многие аспекты хозяйственной жизни моей семьи.

С меня спрашивали за всё: пришёл или нет с выпаса скот, полит и прополот ли огород, успешна ли учёба, изучается ли Коран.

В общем, именно тогда сама жизнь моей большой семьи делала из меня маленького солдата, живущего и действующего по строгому распорядку – распорядку жизни! При этом я всегда находил время для прогулки с друзьями, на маленькие шалости, присущие этому возрасту.

В вышеописанное течение моей жизни в 1993 году вмешалась школа. Вопреки обыкновению, когда дети в нашей стране идут учиться в шесть-семь лет, я поступил на учёбу в Кироваульскую среднюю школу в пятилетнем возрасте. До начала школьной жизни мама вела со мной подготовку дома.

Мою первую учительницу звали Хатимат Шарапудиновна. Она посадила меня за первую парту, определив в соседки одну из двух моих двоюродных сестёр, попавших в один класс со мной.

Маленькая конкуренция с сёстрами постоянно заставляла меня развиваться и показывать хорошие результаты в учёбе. Я готов был ночами напролёт заниматься, лишь бы папа не сказал, что я учусь слабее сестёр.

Итак, конкуренция двигала мною в этот период. Однако не только она. Были ещё и поощрения. Например, получая в неделю десять и более пятёрок, я устаивался определённой суммы денег от отца. Хотя желаемых результатов я достигал не так часто, как хотелось бы, но как минимум дважды в месяц у меня это получалось. Это была сверхмотивация!

Мне нужны были деньги. В возрасте семи-десяти лет, когда у тебя есть деньги, ты – номер один в толпе ребят. Я умел копить их, однако ни в чём себе не отказывал. Наверное, именно в этот период у меня сформировалось очень спокойное и чёткое отношение к деньгам: уже тогда я знал, что они зарабатываются. Я понимал, что, если у меня будут деньги, вокруг меня всегда будет толпа пацанов.

Я покупал себе сладости, мороженое, игрушки. Больше всего – пистолеты. Моим любимым пистолетом была «Ратонда» за 15 руб.

Тогда я думал так: кто даёт мне деньги – тот меня любит. Не даёт – не любит.

Взрослых людей я делил на две категории: «он давал деньги», «он не давал денег». Под такую градацию попадали все: родственники, друзья, семья и так далее.

Например, два брата моего отца, мои дяди Насир и Нурмагомед, проживавшие на тот момент на Украине, всегда привозили мне что-то полезное, а главное, в условиях Кироваула эксклюзивное. Например, дядя Насир однажды привёз мне велосипед.

Конкуренция сопровождала меня повсюду: в учёбе, спорте, изучении Корана. Она помогала мне развиваться. Если прибавить к этому систему денежной мотивации от отца, ты понимаешь, дорогой читатель, что же в тот период было залогом моих успехов.

Из школьных предметов мне нравились география, история, литература. Я гуманитарий по складу ума. Поэтому на протяжении всей школьной эпохи терпеть не мог и, как ни старался, не понимал геометрию, физику, химию, математику.

Любимым моим предметом была география. Папа купил мне книгу «Страны и народы», состоящую из 196 страниц, на которых давалось краткое описание той или иной географической категории, экономики страны и так далее. Она стала для меня настольной. Я знал её от корки до корки и мог без проблем назвать наименования географических объектов, столицы государств и так далее.

Папа стимулировал мой интерес деньгами. В любой момент он мог задать мне вопрос и, получив правильный ответ, вознаграждал меня определённой суммой. Я люблю географию, а когда мне стали за неё платить, я стал практически неудержим в познании этого предмета.

Был у меня ещё один источник заработка. Брат Магомед учился сначала в Кизилюрте, а потом в Махачкале, и папа всегда давал ему 200–250 рублей на неделю. Так вот, брат всегда оставлял мне 20–30 рублей, которые делали мою жизнь в Кировауле крайне обеспеченной.

Когда я перешёл учиться в шестой класс, папа впервые сказал, что переводит меня на учёбу в Международный дагестано-турецкий колледж, в котором вот уже два года успешно

учился Магомед. Мне нужно было на отлично окончить шестой класс. Переезд в Махачкалу, город с морем и широкими возможностями, стал для меня целью и мечтой. Я грезил об этом весь год. Учебный год мне удалось завершить отметками «отлично».

И вот я сдал три вступительных экзамена в одно из лучших тогда учебных заведений – Международный дагестано-турецкий колледж. Учёба в колледже велась на английском и турецком языках. К тем предметам, что имелись в программе моего обучения в Кировауле, добавлялись физика, химия, геометрия. Все предметы, повторюсь, нам преподавали на английском языке. Если в селе знание английского алфавита считалось признаком серьёзного уровня владения языком, то теперь все предметы читались на «инглише», и это стало для меня реальной проблемой, решить которую, как оказалось впоследствии, у меня не получится.

Параллельно моему счастливому сельскому детству развивалась и жизнь моего отца. Будучи председателем совхоза в перестроечные и постперестроечные времена, он встал перед непростыми человеческими и управленческими задачами: что делать со всем совхозным имуществом.

Люди, занимавшие должности подобно той, на которой работал папа, принимали разные решения относительно колхозной и совхозной собственности: земли, недвижимость и техника были лакомыми кусочками.

Отец одним из первых в республике пошёл на так называемую схему организации хозяйства – схему распределения всего имевшегося имущества между членами совхоза. Члены республиканской комиссии эту схему утвердили, а папа остался в памяти односельчан как человек, раздавший всем в частную собственность совхозные активы.

После этого отец сконцентрировался на тренерской работе. Результаты ребят росли из года в год, радуя молодого тренера. Однако, как ты уже понял, дорогой читатель, папа не из тех, кто успокаивается на достигнутом. Постоянно выезжая с воспитанниками на турниры различного уровня, отец видел, что его дело получит развитие только в большом городе, при наличии конкуренции.

Приблизительно с 1995 года Абдулманап Нурмагомедов начал вынашивать планы переезда в Махачкалу. Решиться на такой шаг сразу ему было трудно: родители, семья, дети, односельчане – всё это, конечно, подсказывало ему оставаться. Однако понимание того, что отсутствие должной конкурентной среды однозначно отрицательно сказывается и на уровне мастерства ребят, и на нём самом как начинающем тренере, всё более подталкивало его к принятию этого решения. И папа такое решение принял.

В 1999 году мы продали дом в селении Кироваул, домашний скот, все остальные атрибуты и части своего хозяйства и переехали жить в Махачкалу.

Отец, оставив в Кировауле маму с сестрой, взял с собой в Махачкалу не только меня, но и семерых-восьмерых своих воспитанников. Он буквально грезил успехами этих ребят.

И пошёл даже на то, что они жили вместе с ним.

В таком сложном деле, как переезд, моей семье очень помог директор одного из самых успешных учебных заведений того времени – Международного дагестано-турецкого колледжа – Магомед Хайбулаевич Хайбулаев. Помощь Магомеда Хайбулаевича моей семье заключалась в одном феноменальном факте: он дал нам двухэтажный дом, находившийся фактически во дворе возглавляемого им колледжа.

Старший брат Магомед к этому времени уже учился в дагестано-турецком колледже. Отец решил, что сразу после переезда я пойду по стопам Магомеда и буду учиться там же.

Я отчётливо помню субботники, которые отец устраивал в нашем новом доме и вокруг него. Вся придомовую территорию мы, таким образом, превратили в огород.

Как-то совсем незаметно вокруг отца, брата и меня сформировалась мощная спортивная база: стадион колледжа и спортивный зал, столовая и парная, а главное – крыша над головой.

Сейчас, по прошествии уже более пятнадцати лет, я иногда спрашиваю отца, не боязно ли было ему тогда покидать вместе с семьёй, в возрасте тридцати семи лет, родное село.

Ведь уехать на учёбу в Полтаву в возрасте двадцати лет – это одно, а перестраивать жизнь уже сложившейся семьи – совершенно иное. Да, мы переехали всего на 55 км южнее нашего Кироваула, но это был переход в совершенно иную жизнь.

Большой город, такой, как Махачкала, безусловно, открывал возможности и перспективы, но он также нёс и опасность.

Мы, дети, родившиеся в консервативной среде в своём маленьком селении, выросшие до определённого возраста под опекой бабушки и дедушки и не попавшие под тлетворное влияние большого города, теперь, когда нам было по восемь-тринадцать лет, рисковали перестать быть частью своей родовой общности.

Видимо, верно говорят, что если разумный человек замечает зачатки проблемы, то он предпринимает все усилия, чтобы не допустить её назревания.

Вот и отец, осознав потенциальную опасность отрицательных для нас последствий жизни в большом городе, делал и до сих пор делает всё для того, чтобы цепочка Сильди – Кироваул – Махачкала крепла.

Папа сделал всё возможное для того, чтобы мы поддерживали общение с бабушками и дедушками, дядями и тётями, братьями и сёстрами. Отец привил незабвенную любовь и привязанность к родственникам, за что я ему искренне благодарен.

Отец покоряет Махачкалу. И не только её...

Итак, 1999 год стал для меня и моей семьи судьбоносным и определяющим. Теперь мы живём в Махачкале – столице Дагестана.

Сложные времена для моей малой родины. В 1996 году бандиты захватили заложников в Кизляре – это к северу от Махачкалы, а в августе 1999 года международные бандиты-террористы вторглись на территорию нашей республики.

Бед и приход к нам непрошенных гостей привели к уникальному явлению, но в ситуации очень характерной для всех наших людей. Перед лицом общей опасности и врага дагестанцы объединились и встали на защиту родной земли. Около недели формирования самообороны, составленные из простых горцев, вели полномасштабные боевые действия против бандитов. Это продолжалось до подхода в горы федеральных войск.

Вот таким трагичным был 1999 год для республики.

Каждый из нас – мужчин семьи Нурмагомедовых – покорял Махачкалу по-своему: отец – как тренер, мы с братом – как ученики.

Скажу тебе прямо, дорогой читатель, отец крайне редко жалуется на сложности и сетует на те, или иные обстоятельства жизни. Это в том числе и один из основных постулатов нашей веры: всё от Всевышнего. Однако если ты спросишь у Абдулманапа Нурмагомедова о том, когда ему в жизни было сложнее всего, то он ответит: первые пять лет жизни в Махачкале. Вот тут-то и можно вновь вспомнить о том, что, живя в Кировауле, отец как сыр в масле катался: работа, хозяйство, дела, семья... Однако оставил всё ради совершенно туманных перспектив...

В этом весь мой отец: никогда не искал для себя особых удобств и тем более не находился в зоне комфорта. Всё время двигался.

Конец девяностых – начало нулевых годов прошлого века – время расцвета дагестанской борцовской школы. После двух олимпийских золотых медалей Сайпуллы Абсаидова и Магомедгасана Абушева в 1980 году в золотом медальном зачёте наших борцов вольного стиля случился перерыв, длившийся четыре олимпийских цикла.

В Атланта-96 и Сиднее-2000 наши земляки Хаджимурад Магомедов, Сайгид Муртаза-лиев, Адам Сайтиев и Мурад Умаханов выиграли четыре олимпийских золота, дав, таким образом, новый виток развития вольной борьбы в Дагестане.

Залы вновь наполнились желающими добиться результата парнями, отцы приводили сыновей к тренерам олимпийских чемпионов.

В общем, ажиотаж был сильнейший.

Вместо того чтобы ловить свою добычу там, молодой тренер Абдулманап Нурмагомедов вновь сам себе сказал, что у него свой путь.

Этот путь назывался боевое самбо. Несмотря на то, что к этому времени, к миллениуму, и сам отец, и старший брат Магомед, и я были очень плотно привязаны к борьбе, папа решил, что его тренерской нишей станет именно боевое самбо.

Думаю, рассказывать сейчас, что отцу было очень сложно расписывать все прикрасы нового вида спорта на фоне успехов вольной борьбы, не нужно.

Папа пошёл против общего тренда, он начал культивировать в Махачкале, в Дагестане новый вид спорта.

Это было сложно, однако отец вновь пошёл на риск.

Никто не хотел уступать отцу ни одного квадратного метра тренировочных площадей. Это были времена серьёзной конкуренции школ и клубов, тренеров и стилей. Поэтому самым большим дефицитом, конечно, были площадки для тренировок.

В колледже у нас был спортивный зал размерами 18×9 м. Один только ковёр был 9×9, а нам ведь ещё нужно было разминаться, растягиваться, и нас, воспитанников, у папы было немало.

Многие ребята тогда тренировались при отсутствии элементарных условий. Вода холодная или горячая в зале была вещью порой даже более ценной, чем весь спортивный инвентарь.

Многие молодые и весьма талантливые тренеры так и не смогли полностью реализовать свой потенциал из-за отсутствия условий. Наличие таких условий, как вода, свет, раздевалки, способствовало привлечению в зал большого количества молодых спортсменов. Это были и возможность селекции для тренеров, и шанс зарабатывать хоть какие-то деньги для своих семей.

Это понимал и отец. Поэтому он разными путями, но всегда обеспечивал эти условия для тех ребят, которые выбрали именно его в качестве тренера. Карьера тренера в дагестано-турецком колледже у папы продлилась с 1999-го по 2002 год. Это были годы адаптации семьи к новым условиям жизни и становление нашего отца в качестве тренера в городе, где жили и трудились двенадцать-пятнадцать тренеров олимпийских чемпионов.

В 2003 году отец перешёл на работу тренером-преподавателем в муниципальную детско-юношескую спортивную школу, так называемую «махачевскую» школу. Её так называли потому, что постоянную помощь юным спортсменам – выходцам из этой школы – оказывал известный в республике государственный и общественный деятель Гаджи Махачев.

До 2005 года отец работал в этой школе, а с 2008-го перешёл на работу в спортивный зал, расположенный на улице Ермошкина в Махачкале, который он арендовал для организации тренировочного процесса.

Этот этап стал определяющим и в тренерской карьере моего отца, и в процессе моего жизненного выбора. Ещё большее влияние такой поворот событий оказал на развитие боевого самбо как вида спорта в нашей республике.

Приехав в Махачкалу делать себе карьеру тренера, папа взялся за дело так рьяно, что поневоле настроил против себя немало людей, так или иначе определивших ход развития всей системы единоборств.

Никому не известный провинциальный тренер-самоучка по тогда ещё экзотическому виду спорта стал для некоторых людей бельмом в глазу.

За пять лет жизни и работы в Махачкале отец, уже формировавший вокруг себя команду друзей и единомышленников, провёл в Махачкале открытый чемпионат Дагестана, а в 2004 году – первый чемпионат мира по боевому самбо и несколько международных турниров.

Неслабо для новичка тренерского цеха, да?

Этим отец всегда отличался: стремлением идти исключительно к целям, невзирая на сложности и проблемы.

На страницах этой книги хочется вспомнить имена всех тех людей, которые сначала помогали отцу состояться как тренеру, а уже после всегда были полезны нам – птенцам манавовского гнезда.

Взявшись тренировать ребят, едва достигших тогда десяти-двенадцатилетнего возраста, папа начинал работу с ними с общефизической подготовки, а затем добавлял гимнастику и атлетизм, после – базовую технику самбо и дзюдо. В этом ему активно помогали воспитанники первого потока – Руслан Абдулхалимов, Назир Мамедалиев, Магомед Магомедов.

Постепенно мальчики, тренировавшиеся у отца в зале на Ермошкина, стали задавать тон в своих возрастах и весах на большей части соревнований в городе. Тогда и отцу, и нам было с кем соревноваться. В Махачкале в начале нулевых полноценно функционировали девятнадцать различных федераций и объединений единоборств. Вот это была конкуренция!

Папа жил и работал по принципу «Пусть всё и вся будет против меня». Это была его личная мотивация. Здесь, на мой взгляд, в нём говорил больше спортсмен, нежели тренер.

Стремление отца в условиях этой конкуренции выйти на лидирующие позиции не могло не передаваться нам. Подготовка и выступления на любом городском или республиканском соревновании походили на подготовку к маленькой войне. Это не было похоже ни на что другое в нашей жизни того периода. Такая подготовка включала в себя не только и не столько сами тренировки, мы всегда тренировались на полную катушку, вне зависимости от наличия или отсутствия соревнования на горизонте. Отец готовил нас методически, тактико-технически и что имело, наверное, определяющее значение, психологически.

Мы никогда не слышали слов «ты должен победить». Каждый из нас, готовясь к старту, и без того понимал, что выходит только для того, чтобы завершить соревнования на первой ступеньке пьедестала.

Папа больше ориентировал нас на внутренний мир, психологию и характер каждого. Он понимал, что физическая или даже тактико-техническая база его воспитанников была на солидном уровне, позволявшем достойно выступать. Однако гораздо более важной для себя, как для тренера, задачей он считал необходимость зажечь в душе своего воспитанника огонёк победы.

Папа часто рассказывал в последние двадцать-тридцать минут тренировки истории из спортивных карьер великих чемпионов, давая нам, таким образом, пищу для размышлений о стойкости характера, упорстве в достижении цели и способности взять себя в руки в нужное время. Отец видел тенденции. Это также было его отличительной чертой.

Уже в 2006–2008 годах в разговорах со своими коллегами-тренерами по различным видам единоборств папа утверждал, что всё идёт к объединению видов, то есть к смешанным единоборствам. Постепенно мнение отца о возрастании доли смешанных единоборств как спортивной дисциплины стало подкрепляться тенденцией.

Дисциплина. Другого не дано

Не помню, чтобы, ложась в юные годы спать, я не думал о делах и заботах завтрашнего дня. Это было частью меня ещё в раннем детстве в Кировауле.

Моя дисциплинированность, безусловно, стала плодом усилий моих родителей.

Мама была со мной так заботлива и обходительна, что баловаться перед ней или не выполнять задания по дому было для меня просто недопустимо.

Вдобавок к этому мама была несколько раз прооперирована, поэтому нарушать что-то «по-чёрному» перед ней я считал ниже своего пусть тогда и ребячьего, но всё-таки мужского достоинства.

Папа постоянно бывал в делах, на работе, в поездках. Он тренировал ребят, тренировался сам, руководил совхозом, то есть был полностью погружён в работу.

Как уже было сказано, мой старший брат Магомед учился в Махачкале и домой приезжал только на выходные, а сестрёнка Аминат была ещё слишком мала, чтобы нести какую-то нагрузку по хозяйству, поэтому я и был семейным министром сельского хозяйства. Мы с мамой занимались и скотом, и огородом, и самим домом.

Как ты понимаешь, дорогой читатель, в этих условиях «сачковать» и находить свободное время для игр казалось невозможным. Однако время от времени я это исправно делал, убегая с ребятами купаться на сельский шлюз, установленный в пойме реки Сулак.

Мы с друзьями могли уйти туда рано утром и провести там весь день. Доступ к этому месту был только у мужчин, женщины туда не приходили. Мама, чтобы связаться со мной, просила отправлявшихся поплавать ребят передать мне, что пора домой.

Я знал, что дома буквально всё стоит: нужно поработать по хозяйству, прибраться в доме, сходить за скотом. Приходил домой уставший после целого дня, проведённого в компании друзей и братьев.

Безусловно, мама меня ругала, папа ругал. Но я тотчас приводил себя в порядок, какое-то время после этого не нарушал распорядок и исправно выполнял свои обязанности. Однако при первой возможности снова убегал на шлюз. Такие нарушения дисциплины не были системной, а скорее являлись исключением из правил. Я понимал, что отец поругает. Мама могла ругать меня и шуметь, я мог что-то сказать в ответ. С отцом всё было сложнее: и ругал, и порой наказывал. Страх перед отцом был безусловным и всеобъемлющим. Я делал всё, что он говорит. Мог не понимать, зачем совершаю те или иные действия, но обязательно делал. Делал потому, что так велел отец.

Приблизительно в восьмом классе школы, то есть в двенадцать-тринадцать лет, я научился понимать настроение папы. Я нашёл с ним общий язык. Это позволило мне постепенно уходить из-под тотального контроля с отцовской стороны. Тогда я это воспринимал как свою безусловную удачу и находчивость, а теперь понимаю, что это спровоцировало ещё большее количество нарушений с моей стороны.

Мне следовало находиться дома, как только на улице стемнеет. Вечерний намаз я уже должен был читать дома. Находиться на улице после этого – нарваться, по крайней мере, на неприятный разговор с отцом. В какой-то момент я приноровился приходить домой к намазу. Совершал вечернюю молитву и сразу после этого выскальзывал на улицу. Приходил совсем поздно. Когда возвращался домой, обязательно определял, узнал ли о моём отсутствии отец. В девяти из десяти случаев он не знал о том, что я «сквозанул». Чаще всего папа засыпал на диване перед включённым телевизором. Он параллельно тренировал ребят в двух залах, тренировался сам, поэтому, конечно, уставал. Я же, пользуясь подобными обстоятельствами, всегда получал дополнительные три-четыре часа на улице с пацанами.

Время шло. Я вырослел. Увлечений и соблазнов становилось всё больше. Однако фундамент дисциплины не проседал и не давал трещин. Отец всё так же следил за моим развитием.

Вы можете задаться вопросом: а как же другие дети в этой семье? Неужели Абдулманап, концентрируясь на Хабибе, забывал о других своих детях?

Совсем нет.

Просто мой старший брат Магомед не нуждался в такой плотной опеке, как я. Он хорошо учился, дисциплинированно тренировался и очень редко нарушал устав. Аминат была слишком юна и всегда находилась в компании матери, тёток и двоюродных сестёр.

Таким образом, оставался только я – Хабиб.

Контроль со стороны отца касался не только занятий спортом. Это был тотальный контроль. Когда я учился в дагестано-турецком колледже, папа постоянно говорил обо мне с учителями. По-другому и быть не могло: мы жили прямо во дворе учебного заведения, и учителя всегда ходили мимо нашего дома. Отец не пропускал ни одного родительского собрания, так как каждое такое собрание включало в себя упоминание моего имени. Папа всегда имел ко мне претензии.

Дисциплина в спорте – константа для меня. Её привил мне отец. Я хорошо помню время, когда отец вставал каждое утро и непременно отправлялся на пробежку. Каждый вечер, заканчивая тренировку с ребятами в зале, он оставался и вкалывал по полной уже сам. Именно поэтому я не представлял себе ситуации, в которой мог бы нарушить эти правила, проявить недисциплинированность.

Мне всегда казались странными рассказы одноклассников о том, что кто-то проспал школу или вечером допоздна гулял в городе. У меня была стабильная повестка: подъём – тренировка – завтрак – учёба – уроки – обед – сон – тренировка – сон. Всё. Дисциплина стала основой жизни всей нашей семьи после переезда в 1999 году в Махачкалу. Точнее сказать, для мужской части семьи. Дело в том, что, переезжая в 1999 году в Махачкалу, мы оставили в Кировауле маму и Аминат. В двухэтажный дом во дворе дагестано-турецкого колледжа нас въехало пятнадцать человек. Капитаном всей этой команды был мой отец. Все мы были родственниками, в числе этих людей были сыновья двоюродных братьев отца, ребята-сироты. Задачами этой нашей мужской коммуны были учёба и тренировки. Здесь по сравнению с жизнью в Кировауле дисциплина была кратно больше.

Мы жили мужским коллективом по армейскому казарменному принципу. Готовили, мыли, стирали, прибирались в доме – всё сами.

Весь дом был разбит на участки, следить за порядком на которых, должны были закреплённые ответственные лица. Такие правила ввёл отец.

За нарушение порядка следовала неминуемая расплата: ты либо получал в нагрузку дополнительную работу, либо пинок от отца.

Сколько бы отец не посвящал времени тренировкам ребят, он всегда требовал дисциплины в учёбе. И каждый из нас стремился к тому, чтобы не разочаровывать его. Почему? Потому что очень не хотел получить тумаков от отца.

Позже я понял: дисциплина – фундамент любого дела. Отправляя меня на различные дополнительные занятия, приходя на родительские собрания в школу, папа хотел лишь одного: моего успеха в жизни.

В нашей команде существовала система наставничества: к каждому молодому был приставлен парень постарше. Если у меня проблемы, то перед отцом отвечал он.

Моё всё

Отец был для меня всем. Родным человеком, тренером, наставником, контролёром, наблюдателем, мотиватором. Для меня было очень важно соответствовать требованиям отца в той или иной области.

Спорт, семья, религия, учёба – во всём я старался поступать так, как говорит отец и как ему нравится.

Чувства, которые я к нему испытывал, сложно описать на страницах книги, но я постараюсь.

Это был трепет с примесью любви, дружбы, уважения, гордости и страха. Лучшая смесь эмоций.

Главным детским воспоминанием об отце стала его неуёмность. Именно таким я его помню с моих самых юных лет.

Он параллельно занимался несколькими делами. Дома появлялся на мгновения. Всегда был в делах. Мне это нравилось.

Когда мы ещё жили в Кировауле, отец руководил совхозом, тренировал ребят в зале, тренировался сам. Его страсть к спорту простёрлась до того, что он, напомним, продал всё домашнее хозяйство, чтобы отремонтировать и превратить в спортзал здание бывшего сельского клуба.

Отец был центром, а порой и эпицентром жизни нашего села.

Для меня он, конечно, был олицетворением того, кто такой мужчина.

Приведу несколько воспоминаний из детства, чтобы ты, дорогой читатель, смог моими глазами взглянуть на Абдулманапа Нурмагомедова того периода.

Как-то раз мы с мамой были дома. Мы были одни. В дверь кто-то постучал. Мама спросила: «Кто это?» Мужской голос ответил: «Откройте!» Мама сказала, что мужа дома нет и чтобы этот человек пришёл позже, когда дома будет отец. Но незнакомец не уходил. Он сказал, что пришёл срезать нам провода, по которым в наш дом подавалась электроэнергия. Якобы мы не заплатили за электричество. Мама пояснила ему, что это не так и его приход – ошибка, но он залез на столб и начал срезать провода. И тут пришёл отец. Я сразу подбежал к нему и изложил ситуацию. Отец подошёл к столбу и спросил у монтера, что тот намерен делать. Мужчина на столбе ответил, что он режет провода, отключает нас от электроэнергии. Отец предложил ему слезть. Тот слез. Папа начал говорить с ним, поясняя, что срезать провода нельзя, так как дома есть квитанция об оплате. Разговор очень быстро перешёл на повышенные тона. Запахло жареным. Отец оттянул его во внутренний двор. Я тут же рванул внутрь дома. Сквозь стёкла одного из окон я видел, как мой отец в буквальном смысле растягивает по земле того человека. Я наблюдал за тем, как мой отец по-мужски разбирается с зарвавшимся наглецом. Стоя у окна, я представлял, что предпринял бы сам, случись мне сейчас быть в драке вместо отца. Электромонтер по-мужски принял поражение и, поняв, что проигрывает, попросил отца остановиться.

Моей пацанской радости не было предела: папа только что на моих глазах отколошматил ничем физически ему не уступавшего мужика.

Ещё одно детское воспоминание, касающееся отца, связано с неприятным событием – кражей.

Мы только-только начинали строить свой дом в Кировауле, жили во временном вагончике. Как-то раз мама обнаружила пропажу всех своих драгоценностей, переданных ей в качестве приданого и подарков от близких родственников. Папа сразу обратил внимание на то, что окно вагончика, ведущее в спальню, снимали. Он быстро определил, что это могли совершить рабочие, строившие наш дом. Прошла буквально пара дней. Папа нашёл их, отругал, как только можно было, и заставил всё вернуть. Вернули.

Этот эпизод ещё больше утвердил меня в мысли, что с отцом лучше не связываться – влетит. Мне тогда было семь лет. Это были ситуации из нашей семейной жизни, быта, и мне хватило этого, чтобы понять: отец в той или иной перепалке не подарок.

Отдельный блок в моих воспоминаниях об отце связан с футболом.

Папа очень хорошо играл в футбол. Нас с братом он активно к футболу приобщал. Отец всегда был лидером и капитаном.

В середине 90-х годов XX века проходили масштабные по республиканским меркам футбольные турниры. Самым мощным из них был чемпионат Дагестана среди сельских команд.

Отец, конечно, не остался в стороне от этого дела. В селе собралась команда, отец был её капитаном. Для папы поход или поездка на футбол были отдельным ритуалом. Всегда с собой была сумка со сменной футболкой, несколькими полотенцами, холодной водой и так далее. Носить эту сумку папа доверял только мне. Я, словно хвост, цеплялся к отцу каждый раз, когда речь заходила о поездке на матч, неукоснительно выполняя все поручения. Я резко повышал успеваемость в школе – лишь бы он взял меня с собой на игру. Когда рюкзак отца был в моих руках, я чувствовал, что держу как минимум полмира. Все хотели пить, и все знали, что у Абдулманапа с собой есть вода. Вода в сумке, а та – у Хабиба. Они просили, а я не давал. Отец запрещал. Он говорил, что у каждого есть голова на плечах и, когда этот кто-то идёт на футбол, он может этой головой правильно распорядиться, взяв с собой воду.

Перед каждым матчем у нас дома собирался штаб по подготовке к игре. Отец с сельскими мужиками просчитывали возможные ходы соперника, они готовили схему защиты и нападения, спорили и шумели, но всегда принимали полезное для команды решение.

Само собой разумеется, что, когда речь идёт о сельском футболе, драки являются неотъемлемой частью игры. Драк было очень много. Толпа на толпу. Команда на команду. Село на село.

Помню одну очень занятную историю. Как-то раз наша команда отправилась на игру очередного тура в одно из селений горного Дагестана. На одной из позиций игрок соперника постоянно грубил и жёстко, а порой даже грязно играл в отношении нашего парня, что не осталось незамеченным отцом.

Папа вдруг резко крикнул моему дяде, своему младшему брату Нурмагомеду, чтобы тот переодевался для игры.

Дядя Нурмагомед – на тот момент чемпион мира, чемпион страны по самбо – ответил, что играть не умеет и, мол, ты, Манап, об этом знаешь. Отец буквально озверел и наорал на дядю. Так что у того не осталось выбора: он переоделся и включился в игру. Я понимал, к чему ведёт ситуацию отец. Он поставил дядю на ту позицию, где играл тот наглец из команды соперника. Я сидел и ждал драки, потирая руки. Драка была неизбежной. Тот парень из команды соперника решил прессинговать дядю и получил своё. Дядя его «выстегнул», причём сделал это очень быстро, секунд за десять. И тут понеслось. Толпа на толпу.

Очень хорошо помню подробности этой драки, потому что во время потасовки сновал между рядами и кучками дерущихся, в поисках отца.

Драки на футболе были частым явлением. Несколько матчей могли быть разбавлены тремя-четырьмя приличными потасовками. От матча к матчу, от потасовки к потасовке я с нескрываемым энтузиазмом рассказывал одноклассникам, как в них вёл себя отец. Это было для меня предметом отдельной гордости.

Наша команда дважды, в 1995 и 1997 годах, выиграла чемпионат Дагестана. Вот такие дела.

Я внимательно следил за отцом во всём, что он делал, будь это хозяйство, работа, тренировки, общение с родственниками, друзьями. Я всегда отчётливо прослеживал лидерские качества отца. Конечно, старался походить на него. Наблюдал за тем, как он уходит на про-

бежку. Специально ждал с утра, когда отец пропустит кросс. Однако такого не происходило. Он бегал и тренировался всегда. От нас, несмотря на совсем юный возраст, папа требовал того же.

Мы не могли вырасти другими. Видели отца, который своим примером, своими ежедневными действиями демонстрировал нам, что такое трудолюбие и дисциплина, умение терпеть трудности и преодолевать препятствия.

Мы с братом Магомедом – сыновья своего отца Абдулманапа Нурмагомедова.

Жизнь во дворе колледжа

Итак, в одиннадцать лет я переехал в Махачкалу. Столица Дагестана ассоциировалась у меня исключительно с морем. Я был здесь всего один раз до переселения, и это была поездка на море.

К моменту моего приезда старший брат Магомед чувствовал себя здесь как дома. Он учился в дагестано-турецком колледже – одном из лучших учебных заведений республики того периода. Для того чтобы присоединиться к брату, я на отлично сдал все экзамены в Кировауле и с большим нетерпением ждал начала учёбы. Переезд в дагестанскую столицу и для папы стал вызовом, так как он планировал развернуть здесь свою тренерскую деятельность, и мне предстояло освоиться в большом городе.

Мы поселились в арендованном отцом двухэтажном доме прямо во дворе колледжа. Нас было человек пятнадцать. Я был третьим младшим в этой команде. Кто-то из нас учился, кто-то тренировался, а кто-то – и то, и другое. Тот период многое дал моей семье и мне. Это были времена адаптации к жизни в городе. И проходил этот период в основном с помощью кулаков.

На нас смотрели как на отсталых селян. Мы смотрели на них как на дохляков-горожан. Эти флюиды не могли не выливаться в драки. Мы дрались со всеми. Я дрался очень много. Я плохо знал русский язык, не понимал шуток и подколов городских пацанов. А когда чего-то не понимаешь, лучший способ выяснить, в чём дело, – стукнуть городского по башке. Что я с завидной периодичностью и делал.

Сразу у выхода из нашего дома находилось футбольное поле. У нас в доме жило пятнадцать человек – полноценная заявка на футбольный матч. Мы с завидной регулярностью дрались с гостями нашего поля.

Отец очень не любил, когда мы дрались. Проиграли мы или выиграли в драке, отец наказывал нас дома. Причём делал это очень свирепо.

Поступив в колледж, я вошёл в совершенно иной мир. Мне было очень тяжело. Начну с первого дня пребывания там. Как только приехал в Махачкалу, я стал готовиться к первому дню учёбы, а он ожидался уже завтра.

Помню, как отец достал мне пиджак красного цвета. Это был цвет униформы в колледже. Пиджак отличался от одежды остальных ребят: он был темнее оттенком. Его кто-то дал отцу. По всей видимости, денег купить такой, как у всех, у папы не оказалось, и он дал мне этот. На меня впервые надели галстук, тоже часть униформы. Мне нравилось выглядеть солидно. Так я вошёл в новый для себя мир.

Учиться в колледже мне было сложно, я ощутил это с самого начала. Новая среда, люди, одноклассники – всё было непривычно.

Для меня, сельского парнишки, выросшего среди родственников и односельчан, всё, что происходило теперь вокруг, было просто космосом.

Я иначе стал воспринимать буквально всё.

Даже, казалось бы, братья, которых я знал много лет, оказавшись на одной жилплощади со мной, виделись мне совсем другими людьми.

В колледже моя учёба складывалась из рук вон плохо.

Я не понимал практически ничего из образовательной программы. Из Кироваула я приехал отличником, а тут всё проваливалось.

Проблема заключалась в английском языке, точнее в том, что все предметы в колледже преподавались именно на нём. В Кировауле у нас по программе был один урок английского языка в неделю. Здесь было не просто пятнадцать уроков английского, плюс к этому все остальные предметы преподавались тоже на языке Шекспира.

Меня зачислили в седьмой класс колледжа. Началось изучение химии и физики – тоже на английском языке. Дорогой читатель, ты уже, думаю, понял, что творилось в моей голове в этот период. Хотя нельзя говорить, что я сдался, опустил руки. Нет, конечно. Я старался учиться, ходил на дополнительные занятия, но всё равно в учёбе тогда мало что получалось.

В отличие от школьной жизни, моя уличная жизнь складывалась гораздо успешнее. Я каждый день пополнял свой рекорд уличных боёв.

Дрался я, как уже упоминал, в тот период очень много. Мы с братьями стали серьёзной силой в районе. Никто лишний раз с нами не связывался. Я смело шёл на разборку с любым, понимая, что в случае чего за мной целая футбольная команда, каждый из членов которой при необходимости сделает отбивную из моего обидчика и его дружков. Хотя такого не случилось. Из уличных драк я выходил победителем.

С переездом в город я увлёкся компьютерными играми. Отцу и братьям это не очень нравилось. Но я всегда использовал возможность зайти и поиграть. Очень любил играть в Red Alert. До сих пор при наличии времени играю в неё.

В компьютерные клубы нам было запрещено ходить. Старшие братья из нашей коммуны подобно ищейкам выискивали нас в этих залах, и тогда – пеняй на себя. Тумаков ты отхватывал по полной, да ещё и по домашнему хозяйству получал дополнительные задания. Поэтому мы, младшие, наловчились и знали, когда можно, а когда нет.

Если на посещение компьютерных залов у нас было табу, то двери другого зала, спортивного, всегда были открыты.

На первом этаже арендуемого нами дома отец оборудовал маленький спортзал. Это было повторение того, что папа соорудил в нашем доме в Кировауле.

Тренировались мы много. Утро – вечер: стабильно.

Я в тот период занимался вольной борьбой. Тренироваться ходил в спортивный зал Школы высшего спортивного мастерства имени Али Алиева.

Кроме тренировок в этом зале, у меня ещё были тренировки у отца. Папа в тот период устроился на работу в дагестано-турецкий колледж.

Занимался он тогда фактически исключительно нами.

Самым старшим из нас был Шамиль Завуров. Сын троюродного брата моего отца. Как к тренеру он попал к Абдулманапу Нурмагомедову в тринадцатилетнем возрасте. Занимался он в основном вольной борьбой и уже начинал пробовать боевое самбо и ушу-саньда.

Мы, конечно, ориентировались на Шамиля. Он был первым чемпионом из воспитанников отца, проживавших в том доме.

В общем, в районе мы адаптировались. Помню, что рядом с колледжем был сад, относившийся к станции юных натуралистов. Видимо, те самые юные натуралисты так хорошо трудились, что в этом саду росло почти всё: и фрукты, и овощи.

Мы с братьями этот сад освоили и, так сказать, «присвоили». Сад охранялся. Все охранники знали нас. Мы съедали всё, что росло там, и в окрестностях. Помню, у них были собаки, которые какое-то время создавали нам сложности при доступе внутрь, но мы их постоянно прикармливали и впоследствии фактически превратили в ручных.

Вернёмся к учёбе в колледже. В общем, она никак не налаживалась.

У меня были проблемы практически по всем предметам. Поэтому по окончании седьмого класса, после того как я не смог сдать итоговые экзамены, одним из которых был английский язык, отец принял очередное крупное решение: я перешёл учиться в среднюю школу № 38.

Я перешёл в седьмой класс, а не в восьмой, как ты, мой читатель, мог бы подумать. Дело в том, что в школу я пошёл в пять лет и фактически всё время до 38-й школы учился с ребятами, которые были старше меня на год. Теперь же всё встало на свои места: я начал учиться со сверстниками.

Жизнь, вернее часть её, проведённая в дагестано-турецком колледже, имела для меня, да и для всей моей большой семьи, определяющее значение.

Папа использовал это время для прыжка в своём тренерском развитии. Братья получили возможность учиться и тренироваться в своё удовольствие. А я... А я привык к городу.

На страницах этой книги хотелось бы поблагодарить за помощь, оказанную моей семье и папе лично, одного замечательного человека, настоящего мужчину и товарища – директора дагестано-турецкого колледжа Магомеда Хайбулаевича Хайбулаева. Когда-то он взял и поверил в моего папу, в его стремление стать настоящим тренером и дал возможность всей нашей семье остановиться в том самом доме во дворе колледжа.

Мы любили пошалить

Именно так. Мы любили пошалить, и мы могли это делать. В этом нет ничего страшного и чересчур запретного для ребёнка.

Есть одно «но». Это граница между «пощалить» и «натворить».

Эту границу сразу не рассмотришь, но, заметив раз, пересекать опасешься.

Я рос активным, как, впрочем, многие сельские ребяташки.

В Кировауле у нас было немного возможностей проявить себя в шалостях. Хотя и там мы находили варианты. Сходить на речку, когда родители не в курсе, загнать скот вечером и вновь ускользнуть на улицу. Мне нравилось проявлять изобретательность в этих направлениях.

После переселения в Махачкалу возможности пошалить стало кратно больше. Здесь я понял ширину и глубину возможных манёвров. Сразу после переезда я окунулся в совершенно неизведанный для себя мир больших улиц, высоких зданий, постоянно мчавшихся куда-то автомобилей и, конечно, разных людей.

На пути моего стремления порезвиться всегда стоял отец. Я для него уже был взрослым. И проявлялось это практически во всём.

Наш образ жизни в 2000–2004 годах ничем не отличался от казарменного, армейского. Постоянная хозяйственная нагрузка по дому, в котором нас жило полтора десятка человек, была будничным, постоянным явлением жизни.

Большая часть забот лежала на младших братьях, плюс установка «старший всегда прав», при которой ты не имел никакого права на оспаривание мнения старшего. Если ты это всё-таки себе позволил, получал дополнительные задания по дому.

Я был третьим с конца по старшинству, то есть младше меня были всего два человека, а каждый из старших шести-восьми братьев в любой момент мог дать мне поручение, выполнить которое я был обязан.

Итого к моменту начала жизни в Махачкале в моей жизни было три основных препятствия, обходя которые я мог чувствовать себя вольготно. Речь о контроле со стороны отца, школе и домашних делах.

Признаюсь, у меня достаточно быстро получилось найти нужные алгоритмы по всем направлениям.

С отцом было очень сложно вплоть до восьмого-девятого классов. Примерно в это время я понял, как лучше себя вести, чтобы, во-первых, угодить папе, а во-вторых, иметь возможность чаще соскакивать по своим делам. Я научился выгодно для себя преподносить ту или иную информацию, переводить разговор на удобные мне темы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.